

Поиск современной политико-экономической парадигмы и актуализация идей классической политической экономии

Бирюков Виталий Васильевич

Доктор экономических наук, профессор,

ЧУОО ВО Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская федерация

E-mail sciencebv@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

экономическая методология, экономическая система, классическая политическая экономия, общественное время, государственное регулирование экономики, ценностно-институциональная модель экономики

АННОТАЦИЯ.

В статье освещены вопросы, связанные с переосмыслением парадигмальных особенностей современных стратегий изучения экономики и выработкой нового парадигмального её видения. Автором показано, что распространенные эклектичные стратегии познания экономики сложились в рамках общей парадигмы, которая была предложена ещё немецкой исторической школой и согласно которой субъекты экономики руководствуются частными интересами и у них нет общих экономических интересов. Немецкая школа использовала когнитивную схему: ценности – институты – поведение – результат. Эту схему стали применять неортодоксальные экономисты, которые также привлекают идеи классической политэкономии, а её «усеченные» варианты – неоклассики, неинституционалисты и последовали австрийской школы. В результате мейстримовские теории создаются на основе заимствования идей классической политэкономии, исторической школы и неортодоксальной политэкономии. Современные перемены в политико-экономической мысли способствовали тому, что неортодоксальные экономисты сформулировали Берлинский консенсус, претендующий на замещение Вашингтонского консенсуса. В работе подчеркивается, что для перехода к новой познавательной парадигме важно исходить в соответствии с методологией классической политэкономии из двойственной природы субъектов экономики как носителей общественных и индивидуальных экономических ценностей и интересов. На данной основе обоснована необходимость признания государства высшем субъектом экономики, целью деятельности которого является использование власти в интересах народа. Для описания экономической деятельности государства предлагается опираться на субстанционально-деятельностный подход к анализу происходящих в экономике экономико-ценностных и институциональных изменений. В работе показана важность использования идей классической политэкономии для изучения роли общественное время как уникального измерителя результатов и затрат, регулятора взаимодействия субъектов и пропорций экономики. Предлагаемая перспектива ориентирует на конструирование справедливых и эффективных методов регулирования экономики, способствующих созданию адекватных механизмов взаимодействия реального и финансового секторов.

JEL codes: A10, A13, B10, B41, B50, E02, H10

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2024-12-22-32>

Для цитирования: Бирюков, В.В. Поиск современной политико-экономической парадигмы и актуализация идей классической политической экономии/В.В. Бирюков . - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2024 - №12. - С.22-32. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.12.2024)

Введение

Современные фундаментальные перемены в мироустройстве способствуют появлению новой волны переосмысления конкурирующих подходов к исследованию экономики. Разрабатываемые в

данных условиях предложения по трансформации экономического образования ориентированы либо на реализацию преимущественно идей экономического мейстрима, либо неортодоксальных школ политической экономии [1; 2; 3; 4].

Представители конкурирующих исследовательских стратегий считают, что развитие современной экономической науки осуществляется в результате её фрагментации, но исходят из принципиально разного понимания сложившейся ситуации. Сторонники экономического мейстрима полагают, что тенденция специализация и сегментации экономической теории в обозримом будущем сохранится и не следует ожидать в условиях эмпирического поворота появления больших теорий [5; 6]. Представители неортодоксального направления указывают на кризисное состояние современной экономической науки, необходимость поиска причин и путей выхода из сложившегося кризиса с учётом наследия классической политической экономии [7; 8; 9].

В последние годы наблюдаются существенные перемены в политико-экономической мысли Запада, связанные с ростом недоверия доктринальным установкам экономического мейстрима и неолиберальной модели проведения экономической политики. Представители неортодоксальной политической экономии подчеркивают необходимость пересмотра парадигмы общепринятого экономического мышления, поскольку современные либеральные демократии оказались неспособны решать многочисленные кризисы — от изменения климата до крайне высокого неравенства и крупных глобальных конфликтов. В связи с этим ведущие экономисты и практики собрались в Берлине в конце мая 2024 г. на саммит, организованный Форумом «Новая экономика». Берлинскую декларацию, опубликованную по итогам встречи, подписали десятки ведущих ученых, включая многих лауреатов Нобелевской премии. Она ориентирована на замену доминирующего на протяжении четырех десятилетий рыночно-либерального Вашингтонского консенсуса Берлинским консенсусом, который предполагает разработку реалистичной политико-экономической парадигмы и переориентацию государственной политики на создание общего процветания и хороших рабочих мест, включая политику, которая активно решает региональные проблемы, поддерживая новые отрасли и направляя инновации на создание богатства для многих [10].

Вместе с тем следует учитывать, что в истории экономической науки классической большой теорией можно назвать только теорию К. Маркса [5]. Мировоззрения представителей неортодоксальных школ политической экономии остаётся эклектичным, что обуславливает концептуальную ограниченность разрабатываемых подходов к изучению экономических систем [11]. В связи с этим важным становится прояснение парадигмальных особенностей конструирования современных исследовательских стратегий и выработка нового парадигмального видения экономики с учётом исследовательских традиций классической политэкономии.

Методология исследования

Методология исследования определяется использованием системно-диалектического подхода, в рамках которого экономика рассматривается как разновидность сложных социальных систем. Этим системам присущи такие свойства как целостность и иерархичность, а также нелинейность и цикличность изменений. Изучение социальных систем предполагает использование категориальной матрицы, которая включает ценностные феномены. В таких системах особую роль играют синергетические характеристики, основанные на кооперативных эффектах, а также особый блок управления; при их анализе появляется потребность наряду с представлениями о «внешнем» времени вводить понятие «внутреннего времени» [12].

Для выхода современных социальных теорий из кризиса фрагментации требуется рассматривать социальные системы как сложные институциональные образования [13]. При их анализе важно основываться на субстанционально-деятельностном подходе, а также логике современного социально-философского конструктивизма, который признаёт интерсубъективную природу социальной реальности, что позволяет преодолеть ограниченность методологического индивидуализма и холизма [14;15].

Результаты исследования

Парадигмальные особенности конкурирующих исследовательских стратегий связаны с попытками объяснения экономических закономерностей на основе интерпретации поведения людей и их взаимодействий в контексте сложившихся экономических отношений и относительно устойчивых системных связей. Данные связи возникают в виде институтов – норм и правил, а также механизмов их реализации. В связи с этим альтернативные стратегии познания экономики явно или по умолчанию опираются на разные версии институционального подхода.

Концептуальные особенности конкурирующих сегодня исследовательских подходов сформировались в следствии своеобразия эволюции экономической науки. В XIX в. она менялась в основном под влиянием идей классической политэкономии и немецкой исторической школы. При этом сторонники последней считали важным конструировать экономику со справедливыми народнохозяйственными институтами исходя из субъективной концепции стоимости в сочетании с методологическим коллективизмом [16, p. 253; 17, с. 53–54]. В последней трети XIX в. и в первые два десятилетия XX в. историческая школа и возникшие на основе ее идей теории определяли развитие экономической науки [18].

Современная неортодоксальная политическая экономия базируются на исследовательском подходе исторической школы, а также привлекаются идеи классической политэкономии. Ее сторонники используют социоориентированную стратегию исследования экономики. В рамках данной стратегии исходя из анализа доминирующих культурно-ценностных представлений общества в сложившихся структурных условиях объясняется формирование системы институтов и на этой основе поведение субъектов экономики, т.е. используется логическая схема: ценности–институты–поведение–результат.

Неолиберальная стратегия изучения экономики возникла в результате маргиналистского переворота и выступает «усеченной» версией неортодоксальной стратегии. Так, в неоклассической теории рассматривается влияния рыночных институтов на поведение субъектов экономики. В неoinституциональной теории и поведенческой экономике поведение субъектов описывается на основе влияния рыночных и нерыночных институтов обычно с активным привлечением математических методов с учетом ограниченной рациональности субъектов, их неоднородности, способности обучаться и т.д. Это позволяет критиковать неоклассиков и одновременно опираться на общую неоклассическую логику: институты–поведение–результат. В отличие от сторонников мейстримовских ценностно-нейтральных теорий представители австрийской школы и ее последователи отрицают существование коллективных экономических феноменов в связи эгоистичной трактовкой экономических интересов. Они исходят из того, что поведение субъектов экономики складывается под влиянием их ценностных представлений в ходе спорадических (стихийных) взаимодействий; изменения в экономике возникают независимо от воли и сознания отдельных субъектов (стихийно) и описываются в рамках логической цепочки: ценности – спорадическое поведение – результат.

Доминирование экономического мейстрима во многом связано с активным распространением его сторонниками мифических представления о том, что именно их исследовательская стратегия является подлинно научной. Однако создаваемые в ее рамках микро-, макро- и историко-экономические теории базируются неизбежно на заимствовании идей классической и исторической школы, а также неортодоксального институционализма. Так, Й. Шумпетер указывал на то, что все ведущие теоретики маржинализма (Джевонс, Вальрас, Менгер, Маршалл, Виксель и др.) описывали экономику в основном так же, как А. Смит и Дж. С. Милль и ничего не добавили к идеям предшественников [19, с. 1176–1177]. А. Маршалл создал основы неоклассики, используя идеи классической и исторической школы [18]. Несмотря на выполненные в XX в. разнообразные теоретические изыскания центральные главы учебников по микроэкономике остаются маршаллианскими [20]. Однако неоклассическая версия концепция стоимости и цены, как

подчеркивают К.Дж Эрроу и А.Д. Некипелов, не может быть теоретически обоснована в силу опоры на методологический индивидуализм [8; 21].

Выделение макроэкономики в 1930-е годы произошло во многом благодаря работам Дж. Кейнса, который основывался на идеях классической школы. Он в своей концепции использовал единицу труда в качестве физической единицы, наряду с единицами денег и времени, поскольку ему была близка теория, согласно которой все производится трудом [22, с. 161, 302 – 303]. Современные модели роста, как доказывает У. Баумоль, взятые только как теоретические конструкции, не слишком отличаются от классических моделей Рикардо и его современников. В XX в. фактически не был совершен теоретический прорыв; весомые достижения этого века состоят в том, что они облегчили эмпирические исследования [20, с. 82 - 83]. Маркс разработал исследовательский подход к анализу общих закономерностей эволюции экономических систем, учитывающий циклопричинную зависимость производственных отношений и производительных сил; он критиковал экономистов, для которых существует только два рода институтов: одни – искусственные, другие – естественные; феодальные институты – искусственные, буржуазные – естественные. В связи с этим Д. Норт констатирует, что Маркс был первым, выполнившим значимые исследования связи институциональных и технологических изменений в экономике [23, с. 168].

Изменения, произошедшие в мейнстриме в конце XX в. привели к формированию неoinституционализма, росту влияния идей психологии и поведенческой экономики. В тоже время, как показывает библиометрический анализ работ, в последнее десятилетие наблюдается исчерпание когнитивного потенциала исследовательской стратегии мейстрима, поэтому ослабляется внимание к использованию идей психологии и усиливает внимания к идеям социологии, которые всегда привлекаются неортодоксальными экономистами при построении своих теорий. Кроме того, в российских и зарубежных публикациях возрастает внимание к созданию единой теории; в большей степени это присуще русскоязычной литературе [24; 25]. В последнее время перемены в политико-экономической мысли Запада происходят под влиянием усиления критики мейстрима, создавшего «чистую экономическую теории» и отвергшего идеи классической политической экономии с ее классовым подходом. На данной основе широкую поддержку получает Берлинский консенсус, ориентированный на замену Вашингтонского консенсуса [26; 27].

Важно учитывать, что конкурирующие сегодня исследовательские стратегии базируются на представлении о проблемном поле, которое утвердилось во многом под влиянием идей Г. Гегеля, считавшем, что в гражданском обществе господствует борьба частных интересов и слепые экономические законы, поэтому требуется политическая деятельность государства в интересах органического целого [28, с. 228, 286]. Понимание экономики как сферы взаимодействия субъектов, у которых отсутствуют общие экономические интересы, означает, что государство не может регулировать экономику исходя из общих экономических интересов. Поэтому возникает известная трагедия общих благ: общее благо недостижимо ни с помощью рынка, ни с помощью государства. Кроме того, поскольку государство не выступает субъектом экономики и осуществляет только политико-правовое регулирование, то все изменения в экономическом базисе определяются надстроечными факторами.

Создание адекватной реальностям исследовательской парадигмы предполагает использование системной методологии, которая исходит из двойственной природы элементов системы, поскольку они обладают индивидуальными и общими свойствами. Парадигма классической политэкономии базируется на учёте двойственной природы человека и этической традиции Аристотеля, который считал, что обмен должен быть справедливым, обеспечивающим равенство работ [29, с. 134]. К. Маркс на основе двойственного характера труда изучал рыночную экономику, в которой частный труд должен выразить себя в качестве труда общественного [30, с. 124]. В его теории используется феномен «внутреннего времени» в виде понятия общественно необходимого рабочего времени.

Для познания экономики как саморазвивающейся системы требуется отказаться от

трактовки субъектов как *homo economicus* и в русле идей классической политэкономии исходить из их двойственной природы как «*homo economicus dual*». В связи с этим требуется рассматривать общество экономическим актором, а субъектов экономики как носителей индивидуальных и общих черт экономической культуры общества, обладающих разнообразными экономико-ценностными ориентациями, мотивами и интересами. В результате появляется возможность описания эндогенных механизмов формирования национальной системы институциональных форм связей, которые складываются в ходе конструирования общих экономических ценностей и интересов [31].

Для познания процесса формирования институционального устройства общества важное значение имеет возникшая в XVII—XVIII вв. волна его осмысления, которая привела к созданию теории общественного договора; в результате со времен Ж.-Ж. Руссо принято выделять наряду с суверенитетом государства и суверенитет народа. Сегодня происходит развитие идей мыслителей древности и классических трактовок о связи общества и государства исходя из того, что властные отношения существуют во всех общественных системах. Власть неизбежная часть экономических систем, капиталистических, социалистических и вообще каких бы то не было [32, с. 53].

Формирование реалистичного видения процессов построения институционального устройства общества требует отказа от традиционной «надстроечной» трактовки государства и познания его с учётом того, что государство является особым субъектом многоуровневой системы экономических отношений [31]. Для описания процесса реализации с помощью государства власти народа важно опираться на субстанционально-деятельностный подход. Данный подход позволяет изучать экономическую деятельность государства с учётом того, что на поверхностном уровне реальности проявляются процессы, происходящие на ценностном (субстанциональном) и институциональном уровнях.

Ценностно-нормативный (субстанциональный) уровень связан с пониманием роли народа как верховного субъекта экономической власти и рассмотрением специфики процессов конструирования центральной зоны (ядра) экономической системы, которая возникает в процессе взаимодействия разных акторов, являющихся носителями общих и индивидуальных экономических ценностей. В ходе обсуждения перспектив развития национальной экономики на основе достижения компромисса формируются экономико-мировоззренческие «линзы», общенациональные экономические ценностные ориентации и интересы, которые определяют приоритеты экономической деятельности государства как высшего субъекта национальной экономики.

Институционально-инструментальный уровень характеризует особенности создания государством в рамках достигнутого экономико-ценностного компромисса институциональных регуляторов технологических изменений, а также доступа к ресурсам и распределения доходов. При этом государство использует побудительные и принудительные методы регулирования экономики. Государство, как отмечал Н. А. Бердяев, стремится поддерживать минимум добра и справедливости, так как без этого наступит хаос [33, с. 172]. Вместе с тем в рамках сложной системы экономических отношений и институтов могут складываться различные конфигурации деловых коммуникаций и разные конкурирующие группы влияния, что сопровождается появлением разнообразных форм дисбаланса частных, корпоративных и общественных интересов. В сословных обществах легитимными становятся различные виды привилегий и угнетения, которые создаются доминирующими акторами и поддерживаются «искаженными» представлениями [34].

В рамках современной волны переосмысления сложившихся методологических основ изучения экономики сторонники разработки адекватной реальным парадигмы политической экономики обвиняют мейстрим в том, что его представители позиционируют свои теории как «объективные» и «нейтральные», отделённые от классовой динамики. Они указывают на необходимость реформирования институциональной модели экономики на основе замены устаревших ценностей новыми. При этом обращается внимание на то, что ещё классическая политэкономия признавала труд источником прибыли и рассматривала эксплуатацию как

специфику институционального устройства капиталистической экономики [35].

Для разработки реалистичной парадигмы особую значимость имеет предложенный классической политэкономией исследовательской подход, в рамках которого в отличие от традиционной парадигмы было теоретически обосновано необходимость использования для системного анализа экономики категории общественного времени в качестве универсального измерителя и регулятора разнообразных форм экономических взаимодействий людей. На данной основе появляется возможность описания процессов формирования многоуровневой системы экономических связей субъектов с учётом роли денег как особого институционального (общепринятого) феномена. Сложившиеся сегодня мейстримовские и неортодоксальные концепции исходят из признания их как специфического института. Однако в разнообразных товарной и государственных концепциях денег отсутствует теоретическое объяснение природы и сущности денег, поэтому последние рассматриваются как экзогенные феномены, что неизбежно порождает эклектичный и ограниченный характер предлагаемых многочисленных описаний, происходящих на разных уровнях экономики процессов [36].

В рамках парадигмы классической политэкономии Маркс предложил институционально-эволюционный подход к изучению денег как эндогенному по своему статусу феномену и измерителю стоимости – общественного рабочего времени. Появление денег, выступающих всеобщим эквивалентом, тесно связано с возникновением государства как высшего субъекта экономики и её институционального организатора, важной функцией которого становится выпуск бумажных денег и регулирование денежного обращения. Как отмечал Маркс, общественную значимость бумажные деньги получают на основе государственного принуждения [30, с. 140]. Поскольку произведенный в национальной экономике валовой внутренний продукт (ВВП) является результатом осуществлённых затрат общественного времени, то используемая денежная единица характеризует часть затрат общественного времени, которая необходима для создания соответствующей части ВВП и которую можно приобрести за данную денежную единицу [36].

Опора на парадигму классической политэкономии позволяет преодолеть присущий традиционной парадигме методологический разрыв между макро- и микроэкономикой, поскольку системная интеграция складывающихся на разных уровнях экономики процессов объясняется особенностями измерения затрат и результатов использования времени общества с учётом того, что с помощью денег формируются общепринятые оценки величины общественного времени. Как писал Маркс, совокупный доход общества характеризует совокупные затраты времени на выпуск общественного продукта. Покупатели с помощью денег оплачивают товары частью находящегося в их распоряжении рабочего времени [37, с. 204]. В связи с этим издержки производства продукта являются денежной оценкой затрат общественного времени, а цена выступает денежной оценкой полезного результата использования общественного времени и характеризует потребительную ценность (полезность) продукта. Рыночная цена складывается в зависимости от спроса и предложения; обычно спрос меняется в направлении противоположном ценам [37, с. 206].

Развитие экономики как саморазвивающейся системы происходит в процессе воспроизводства общественного продукта, который создаётся производителями на основе разделения труда и кооперации в масштабе общества. В отечественной литературе распространённым является представление о процессе создания стоимости на капиталистическом предприятии, который описан Марксом. Однако вне внимания сегодня обычно находится его утверждение о том, что в любом воспроизводственном процессе затраты труда (t) непосредственного производителя должны возместить его расходы на приобретение жизненных средств (t_c) и средств производства (t_a) [38, с. 859]. При повышении производительности труда возникает прибавочное время (Δt) и соответствующая структура затрат труда, т.е. $t = t_a + t_c + \Delta t$. В связи с этим затраты совокупного времени (T) на создание общественного продукта включают время, необходимое для простого воспроизводства инвестиционных благ (T_a) и жизненных средств (T_c), а также прибавочное

время (ΔT), т.е. $T = T_a + T_c + \Delta T$. ВВП выступает в виде созданной в масштабе экономики совокупной добавленной стоимости. Как подчеркивает В. Маевский, амортизационные расходы, связанные с возмещением основного капитала, являются затратами труда текущего периода, а не прошлого периода [39].

В отличие от неоклассической ортодоксии в классической политэкономии был предложен подход к анализу эндогенных связей воспроизводственных процессов с учетом влияния институциональной среды и не-нейтральной роли денег. При этом Маркс писал о несостоятельности догмата о том, что товарное обращение обязательно создает равновесие между куплями и продажами [30, с.123]. На данной основе он сформулировал монетарную теорию делового цикла, который связан с воспроизводством основного капитала и сопровождается кризисами из-за углубления диспропорции между производством и доходами населения. Дж. Кейнс следуя классической традиции изучение противоречивого характера процессов воспроизводства показал, что в экономике как сложной системе возникает необходимость её государственного регулирования для поддержания равновесия между производством и потреблением.

Важно учитывать, что происходящий сегодня в русле идей Кейнса поиск более реалистичных теоретических описаний процессов макроравновесия обычно неявно основывается на разных интерпретациях роли общественного времени в формировании данных процессов. Так, совокупное предложение (Y_s) определяется величиной денежной оценки (цены) единицы времени (P) и затратами времени общества на производство совокупного продукта (T_s), т.е. $Y_s = P \times T_s$. В свою очередь, величина совокупного спроса (Y) складывается в зависимости от общественной оценки (цены) единицы времени (P) и ресурсов времени (T), направляемых на личное потребление (T_c), частные инвестиции (T_i), государственные расходы (T_g) и чистый экспорт (T_x), т.е. $Y = P \times T = P \times (T_c + T_i + T_g + T_x)$. В экономике в зависимости от соответствия ресурсов использованного времени совокупному спросу складываются три типовые макроситуации: 1) равновесие, обеспечивающее полное использование ресурсов совокупного времени (T_0) при полной загрузке мощностей: $T = T_s = T_0$; 2) рецессивный разрыв: низкий спрос приводит к безработице и неполной загрузке мощностей: $T = T_s < T_0$; 3) инфляционный разрыв: превышение спроса над потенциальным предложением порождает рост цен в зависимости от отношения T/T_0 .

В современных условиях возникает необходимость решения сложных вопросов, которые связаны с выбором адекватных методов государственного регулирования совокупного спроса и предложения, обеспечивающих выпуск общественного продукта при достижении устойчивой динамики производительности труда на основе формирования рациональных количественных и структурных показателей использования общественного времени.

Как свидетельствует мировой опыт структурные трансформации современной экономики представляют собой весьма противоречивые процессы, которые сопровождаются формированием сложной связи выпуска валового внутреннего продукта и изменения уровня цен. Вместе с тем реализуемая кейнсианско-неоклассическая (неокейнсианская) версия денежно-кредитной политики, основанная на гипотезе о нейтральности денег, неадекватна реалиям; она не учитывает специфику роли денег как уникального институционального регулятора экономических взаимодействий. Так, проведенные многочисленные исследования свидетельствуют о том, что в последние два десятилетия рост российской экономики сопровождался повышением цен, а переход к жесткой денежно-кредитной политике порождал негативный эффект [40].

В современных условиях особую значимость приобретает парадигмальный пересмотр устаревших методов регулирования воспроизводственных процессов исходя из сложившихся в классической политэкономии представлений о не-нейтральности денег. При этом важное значение имеет разработанный Марксом эндогенный подход к анализу монетарных механизмов деловых циклов. Как пишет В. Маевский, использование подхода, восходящему к марксовым идеям о кругообороте капитала и денежном капитале как первичном двигателе экономического

роста, позволяет отказаться от упрощенного видения макропроцессов взаимодействия спроса и предложения и сформулировать предложения, связанные с тем, что с учётом особенностей сложившейся ситуации в современной российской экономике требуется проводить не политику ограничения её роста как считают денежные власти, а политику преодоления дефицита мощностей с помощью монетарного стимулирования инвестиций в основной капитал [41].

Для перехода национальной экономики на траекторию устойчивого успешного развития необходимо конструирование государством институциональных регуляторов реального и финансового секторов, способствующих существенному повышению инвестиционной, инновационной, трудовой и предпринимательской активности. Особую значимость сегодня приобретает создание механизмов проведения реалистичной единой бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики на основе кардинального изменения форм взаимодействия правительства с Центральным банком (ЦБ России). Реализация такого подхода предполагает переход к более гибкой модели финансовой политики, ориентированной на достижение целевого уровня инфляции в среднесрочной перспективе с учётом происходящих в деловой среде перемен. В тоже время важным становится проведение государством активной структурно-инновационной политики на основе создания благоприятных условий для развития передовых отраслей и инновационных изменений экономики.

Заключение

Современные конкурирующие подходы к изучению экономики разрабатываются в рамках эклектичной версии дуалистической парадигмы, в которой в качестве «жесткого ядра» используется, согласно методологическому индивидуализму, модель эгоистического поведения субъектов экономики, а в качестве дополнения привлекаются в соответствии методологическим холизмом культурные и институциональные переменные. При этом социоориентированная и неолиберальная познавательные стратегии различаются пониманием роли неэкономических феноменов в формировании экономического поведения.

Для перехода к новой познавательной парадигме требуется исходить в соответствии с методологией классической политэкономии из двойственной природы субъектов экономики. На данной основе становится возможным содержательное изучение роли государства как высшего субъекта экономики опираясь на субстанционально-деятельностный подход к анализу происходящих в экономике экономико-ценностных и институциональных изменений. Кроме того, важно использовать идеи классической политэкономии для изучения экономики на основе рассмотрения общественное время как уникального измерителя результатов и затрат, регулятора взаимодействия субъектов и пропорций экономики. Предлагаемая перспектива ориентирует на конструирование адекватных реалиям методов регулирования национальной экономики, способствующих созданию реалистичных механизмов взаимодействия реального и финансового секторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бузгалин А.В., Глазьев С.Ю. Российское образование в области экономической теории: необходимое обновление // Российский экономический журнал. – 2022. – №5. – С. 4–21.
2. Аузан А.А., Мальцев А.А., Курдин А.А. Российское экономическое образование: образ ближайшего будущего // Вопросы экономики. – 2024 – № 10. – С. 5–26.
3. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Экономическое образование: качественное обновление необходимо и возможно // Вопросы экономики. – 2023. – №11. – С.141–160.
4. Шаститко А.Е. Экономическое образование как зеркало внутридисциплинарного дискурса // Вопросы экономики. – 2024. – № 1. – С. 137–153.
5. Автономов В.С. Судьба «больших теорий» в экономической науке // Вопросы теоретической экономики. – 2024. – № 1. – С. 96–105.
6. Мальцев А.А. Петр I и междисциплинарный синтез // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2023. – № 2(58). – С. 3–19.
7. Stiglitz J. E. People, power, and profits: Progressive capitalism for an age of discontent. New York; London: W.W. Norton, 2019. 366 p.
8. Некипелов А.Д. Кризис в экономической науке – природа и пути преодоления // Вестник Российской Академии наук. – 2019. – № 1(89). – С. 24–37.
9. Худокормов А.Г. Новые данные о «третьем кризисе» экономикс // Вопросы политической экономии. – 2021. – № 1(25). – С. 103–125.
10. Rodrik D. Reimagining the global economic order // Review of Keynesian Economics.– 2024. – Vol. 12(3). – P. 396–407.
11. О`Хара Ф. Современные принципы неортодоксальной политической экономики // Вопросы экономики. – 2009. – № 12. – С. 38–57.
12. Степин В.С. Научная рациональность в техногенной культуре: типы и историческая эволюция // Вопросы философии. – 2012. – № 5.– С. 18–25.
13. Момджян К.Х. Общество как институциональная форма существования социальной реальности // Вопросы философии. – 2023. – № 4.– С. 18–28.
14. Момджян К.Х. Субстанциальный подход в теоретическом обществензнании, его необходимость и принципы // Вопросы философии. – 2022. – №2. – С. 71–82.
15. Гранин Ю.Д. «Цивилизации» – «реальные», «воображаемые» или «конструируемые» сообщества? // Вопросы философии. – 2024. – № 2. – С. 14–24.
16. Kurz H. German and Austrian schools // H. Kurz, G. Faccarello (eds.). Handbook on the history of economic analysis. Vol. II. Cheltenham: Edward Elgar, 2016. P. 252 – 273.
17. Шмоллер Г. Справедливость в народном хозяйстве. Разделение труда. М.: Либроком, 2012. 216 с.
18. Автономов В.С. Три источника и три героя маржиналистской революции // Вопросы экономики. – 2022.– № 7. – С. 104–122.
19. Шумпетер Й. История экономического анализа: пер. с англ. под ред. В. С. Автономова, в 3-х т. Т. 3. СПб.: Экономическая школа, 2001. 688 с.
20. Баумоль У. Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. – 2001. – № 2. – С. 73–107.
21. Эрроу К.Дж. К теории ценового приспособления // Теория фирмы. СПб.: Экономическая школа, 1995. С. 432–447.
22. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики / Сост. И. А. Столяров. В 2-х т. Т.2. М.: Эконом, 1993. 485 с.
23. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 190 с.
24. Ross D. Economics is Converging with Sociology but not with Psychology // Journal of Economic

Methodology. – 2022. – Vol. 30(2). – P. 135–156.

25. Кирдина-Чэндлер С.Г. О синтезе и междисциплинарности в экономической теории: сравнение русскоязычного и англоязычного дискурсов // *AlterEconomics*. – 2023. – № 1 (20). – С. 59–78.

26. Rodrik D., Walt S. How to construct a new global order // *Oxford Review of Economic Policy*. – 2024. – Vol. 40(2). – P. 256–268.

27. Толкачев С.А. Циклические закономерности трансформации экономической ортодоксии // *Terra Economicus*. – 2024. – № 3 (22). – P. 6–20.

28. Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. 524 с.

29. Аристотель. *Сочинения в четырех томах*. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.

30. Маркс К. *Капитал*. Т. 1. М.: Политиздат, 1988. 891 с.

31. Бирюков В.В. Развитие национальной экономики как сложной системы: переосмысление роли государства // *AlterEconomics*. – 2024. – №2(21). – С. 230–252.

32. Тоффлер Э. *Метаморфозы власти*. М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. 362с.

33. Бердяев Н.А. *О назначении человека*. М.: МГУ, 1993. 212 с.

34. Sayer A. *Moral economy as critique* // *New Political Economy*. –2007. – Vol.12(2). – P. 261–270.

35. Mattei C. *The Capital Order. How Economists Invented Austerity and Paved the Way to Fascism*. University of Chicago Press, 2022. 480 p.

36. Бирюков В. В. Альтернативные институциональные стратегии разработки монетарных теорий // *AlterEconomics*. – 2022. – № 2 (19). – С. 262 – 282.

37. Маркс К. *Капитал*. Т. 3. Ч. 1. М.: Политиздат, 1985. 508 с.

38. Маркс К. *Капитал*. 1986. Т. 3. Ч. 2. М.: Политиздат, 1986. 1080 с.

39. Маевский В. *Воспроизводство основного капитала и экономическая теория* // *Вопросы экономики*. –2010. – № 3. – С. 65–85.

40. Сухарев О. *Денежно-кредитная политика экономического роста в России: тормозящий накопительный эффект* // *Общество и экономика*. – 2023. – № 1. – С. 5 – 26.

41. Маевский В.И. *О возможности таргетирования экономического роста: теоретический аспект* // *AlterEconomics*. – 2024. –№2(21). – С. 159–178.

Search for a modern political-economic paradigm and updating the ideas of classical political economy

Biryukov Vitaly Vasilievich

Doctor of Economic, Professor,

Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

E-mail: sciencebv@gmail.com

KEYWORDS.

economic methodology, economic system, classical political economy, public time, state regulation of the economy, value-institutional model of the economy

ABSTRACT.

The article highlights issues related to rethinking the paradigmatic features of modern strategies for studying economics and developing a new paradigmatic vision of it. The author shows that common eclectic strategies for understanding the economy have developed within the framework of a general paradigm that was proposed by the German historical school and according to which economic entities are guided by private interests and they do not have common economic interests. The German school used a cognitive scheme: values - institutions - behavior - results. This scheme began to be used by heterodox economists, who also attracted the ideas of classical political economy, and its "truncated" versions were used by neoclassicists, neo-institutionalists and followed the Austrian school. As a result, mainstream theories are created on the basis of borrowing ideas from classical political economy, the historical school and heterodox political economy. Modern changes in political-economic thought contributed to the fact that heterodox economists formulated the Berlin Consensus, which purported to replace the Washington Consensus. The work emphasizes that in order to transition to a new cognitive paradigm, it is important to proceed, in accordance with the methodology of classical political economy, from the dual nature of economic entities as bearers of public and individual economic values and interests. On this basis, the need to recognize the state as the supreme subject of the economy, the purpose of which is to use power in the interests of the people, is justified. To describe the economic activities of the state, it is proposed to rely on a substance-activity approach to the analysis of economic, value and institutional changes occurring in the economy. The work shows the importance of using the ideas of classical political economy to study the role of public time as a unique measure of results and costs, a regulator of the interaction of subjects and the proportions of the economy. The proposed perspective focuses on the construction of fair and effective methods of regulating the economy, promoting the creation of adequate mechanisms for interaction between the real and financial sectors.
